
От способов означивания зависит то, какая доминирующая версия путешествия утвердится в массовом сознании, какой нарратив станет главным, определяющим сущность рассматриваемых событий и фактов, характер организации пространственно-временных параметров травелога. Например, с позиции данного подхода становится важным, раскрывает ли дискурс того или иного травелога имперскую славу конкретного государства, фокусирует ли внимание на его культурно-исторических взлётах и достижениях, или, напротив, говорит об его колонизаторской природе, репрессивных практиках, угнетений свобод.

Дискурс травелога задаёт оптику видения действительности посредством совершаемых в процессе путешествования открытий Иного, Другого, Незнакомого. При этом путешествующий субъект производит коррекцию собственной идентичности, собственных представлений о месте Своей культуры в мире. Его угол зрения, таким образом, оказывается подвижным, текучим, изменяющимся. Данные трансформации могут в итоге приводить к интенциональным сдвигам в дискурсе травелога. К примеру, обычный туристический травелог может обернуться травелогом выбора новой культурной идентичности.

2.2. Семиотический аспект дискурса травелога

Процесс *семиозиса* – означивания всего пространственно-временного континуума, в котором жизнедействует субъект, является универсальной необходимостью человеческого существования¹⁹⁴. Это есть также ничто иное, как смысло-жизненное ориентирование, без которого человек не может существовать как человек (он стремится осознать – что он есть такое и как он к этому пришел, каковы направления движения – к наличию позитивного смысла или отсутствию его, в каких направлениях предпочтительно двигаться, а в каких – нет).

Идеи семиотического механизма культуры были многообразно проработаны в отечественной литературе Ю.М. Лотманом¹⁹⁵, ему же принадлежит идея «семиосферы» и «семио-

¹⁹⁴ Как гласит древнеегипетская мудрость: без своего слова вещь не существует.

¹⁹⁵ Лотман Ю.М. О семиотическом механизме культуры (совм.

тического пространства»¹⁹⁶. С точки зрения Лотмана, «язык есть функция, сгусток семиотического пространства» и «вне семиосферы нет ни коммуникации, ни языка»¹⁹⁷, так, что «неразложимым работающим механизмом – единицей семиозиса – следует считать не отдельный язык, а все присущее данной культуре семиотическое пространство. Это пространство мы и определяем как *семиосферу*»¹⁹⁸. Заметим здесь же, что «высшей формой структурной организации семиотической системы является стадия самоописания»¹⁹⁹, то есть некая рефлексия над собой и самокодификация (жанры травелога и есть, в сущности, «самопроговаривание» культуры о путях ее движения).

Травелог в знаково-символическом пространстве-времени связан с семиозисом через *семиотические машины* – наделяющие смыслами и значениями окружающий мир и все явления и процессы в нем системы задания, означивания и переозначивания семиотического пространства²⁰⁰. Особенно остро это переживается в описании ранее неведомых миров – географических, человеческих, с которыми сталкивается Путник (Ю.М. Лотман специально подчеркивал роль *границы* для культуры: «Всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее («свое») пространство и внешнее («их»)»²⁰¹).

Семиозис в травелоге невозможно понять без уяснения природы наррации (сказовости): именно путем сказания, т.е. именованного, выражения невыразимого,

с Б.А. Успенским) // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ., 2000. С. 485–503.

¹⁹⁶ Лотман Ю.М. Семиосфера. Семиотическое пространство. Там же. С. 250–257.

¹⁹⁷ Там же. С. 250.

¹⁹⁸ Там же. С. 251.

¹⁹⁹ Там же. С. 254.

²⁰⁰ «Культура как семиотическая машина» (см.: Гриценко В.П. Социальная семиотика. Екатеринбург: ИМС, 2006. С. 80–92).

²⁰¹ Он делает вывод: «Сознательная человеческая жизнь, т.е. жизнь культуры, также требует особой структуры «пространства-времени». Культура организует себя в форме определенного «пространства-времени» и вне такой организации существовать не может. Эта организация реализуется как семиосфера и одновременно с помощью семиосферы» (Лотман Ю.М. Семиосфера. Семиотическое пространство. Там же. С. 257, 259).

при котором отчетливо проступает позиция субъекта, отделяющего себя от именуемого (в переводческих затруднениях, подыскании наиболее адекватных языковых и вообще знаково-символических форм обозначения и выражения различных явлений происходит человеческое освоение.

Понятие «наррация» происходит от термина «нарратив». Нарратив (англ. и фр. narrative, от лат. narrare – рассказывать, повествовать) – самостоятельно созданное повествование о некотором множестве взаимосвязанных событий, представленное читателю или слушателю в виде последовательности слов или образов. Часть значений термина «нарратив» совпадает с общеупотребительными словами «повествование», «рассказ»; имеются и другие специальные значения. Учение о нарративе – нарратология²⁰².

Предметом изучения нарратологии является вопрос об отношении между репрезентируемым объектом действительности и его нарративной репрезентацией, а также то, благодаря чему одна репрезентация является лучше другой, выполненной приблизительно на ту же тему²⁰³.

Нарратив также относится к основным категориям философии постмодернизма, которая призвана фиксировать процессуальность самоосуществления как способа бытия повествовательного текста. Термин был заимствован из историографии, где он появляется при разработке концепции «нарративной истории», рассматривающей исторические события не как фрагменты бытия, относящиеся к объективной реальности, а как продукты нарративных практик, связанных с процедурой их интерпретации²⁰⁴. Событие, понятое в контексте нарративной истории, не считается привязанным к некой онтологической первопричине. Оно, по мнению постмодернистов, конструируется посредством наррации, которая и наделяет его определенным смыслом. Такой подход позволил Жаку Дерриде сформулировать идею о разрушении

²⁰² Значение слова «нарратив» // КартаСлов.Ру – Карта слов и выражений русского языка. URL: <https://kartaslov.ru/карта-знаний/со-словом/нарратив>

²⁰³ Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историка / перевод с англ. О. Гавришиной, А. Олейникова; под науч. ред. Л.Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с. С. 10.

²⁰⁴ См.: Тойнби А. Человечество и колыбель-земля. Нарративная история мира / А. Тойнби. М., 1976. 416 с.

«онто-тео-телео-фалло-фоно-лого-центризма» как системы парадигм, присущих культуре классического типа. В соответствии с данной установкой «философия постмодернизма осуществляет радикальную переориентацию на презумпции, представляющие полную противоположность презумпциям О. – Т. – Т. – Ф. – Ф. – Л.²⁰⁵

По оценке Й. Брокмейера и Р. Харре, нарратив является не описанием некоей реальности, а «инструкцией» по определению и пониманию последней, приводя в качестве примера правила игры в теннис, которые только создают иллюзию описания процесса игры, являясь на самом деле лишь средством «вызвать игроков к существованию». Они предлагают «рассматривать нарративы не столько в качестве когнитивных, лингвистических, металингвистических или онтологических сущностей, сколько в качестве *modus operandi* особых дискурсивных практик. Термин «нарратив» обозначает различные формы, внутренне присущие процессам нашего познания, структурирования деятельности и упорядочивания опыта»²⁰⁶. Идея авторов о том, что «повествование» есть, скорее, не описание (некоей единой онтологической реальности), а некоторый конденсированный набор правил «инструкций, служащих для того, чтобы привести то, что кажется независимым бытием, к существованию» вполне укладывается в современные представления о дискурсе и его главных свойствах (аспектах) – например, праксиологическом (порождение набора антропологических практик) и кратологическом (властно-распорядительный ресурс). Эти свойства объединяет нарратив с дискурсом: в этом контексте Й. Брокмейер и Р. Харре соотносят нарратив с феноменом дискурсивности, рассматривая его как «подвид дискурса»²⁰⁷. Более того, идея о том, что повествование (нарратив) лежит в основе того, что мы называем литературой в отличие от мифа – была высказана О.М. Фрейденберг еще в 1939 г. в лекциях «Введение в теорию античного фольклора» и в книге «Об-

²⁰⁵ Можейко М.А. Онто-тео-телео-фалло-фоно-логоцентризм. Постмодернизм. Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис: Книжный Дом, 2001. 1040 с. С. 545.

²⁰⁶ Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы / пер. с англ. Е.А. Мамчур // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.

²⁰⁷ Там же.

раз и понятие» 1953 г.²⁰⁸ Травелог и его дискурс возникает именно как *наррация*, повествование (о действительных или мнимых) путешествиях, некий специфический способ конструирования и установления реальности, а не описание ее.

Согласно представлениям известного семиолога культуры Р. Барта, нарратив не является образом реальности, он только создает коды для её обозначения, призванные лишь выражать реальность: «Другими словами, в «объективной» истории «реальность» всегда представляет собой лишь неформулируемое означаемое, скрывающееся за кажущимся всемогуществом референта. Такой ситуацией характеризуется то, что можно назвать *эффектом реальности*»²⁰⁹. Барт рассматривал культуру как империю знаков²¹⁰, а Текст – как систему интертекстуальных кодов и коннотаций. Для него было важным различать Произведение и Текст: если произведение – это то, что сказал автор, то Текст – это то, что «сказалось» в произведении, независимо от воли автора²¹¹.

Текст – это и коннотативно означаемое и собственно – дискурс. Особенно пристальное внимание Барт уделял анализу семиотических дискурсов феноменов культуры – дискурсу Моды (модной одежды), дискурсу фотографии²¹², дискурсу, представляющему знаковый и символический характер японской культуры (традиции письма, поэзии, употребления пицци, организации ландшафта, городской среды и др.)²¹³.

Семиотические аспекты дискурса травелога могут быть представлены, во-первых, в семиотическом анализе посещаемых актором травелога мест (топографическая семиотика

²⁰⁸ Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М.: Наука, 1978. С. 206–229.

²⁰⁹ Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкова. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 512 С. 439.

²¹⁰ Барт Р. Империя знаков / пер. с фр. Я.Г. Бражниковой. М.: Праксис, 2004. 144 с. С. 138.

²¹¹ Косиков Г. Идеология. Коннотация. Текст // Барт Р. S/Z / пер. с фр. Г.К. Косиков. 3-е изд. М.: Академический проект, 2009. 373 с. С. 26.

²¹² Барт Р. Фотографическое сообщение // Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкова. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. С. 378–392.

²¹³ Барт Р. Империя знаков. М.: Праксис, 2004. 144 с.

территорий, семиотика городов и жилищ); во-вторых, – в семиотическом анализе этнографических традиций, специфики национальной кухни; в-третьих, – в семиотике театрального и художественного искусства, литературных, музыкальных и иных произведений, выражающих культурный код данного народа и страны в целом; в-четвертых, – в семиотических моментах дискурса отчетов о травелоге, в сопровождающих их фотографических и видеоматериалах. Похожие разновидности семиотического дискурс-анализа можно обнаружить при обращении к отчетам о туристических поездках, совершаемых в разные местности, страны и города. Для иллюстрации сказанного рассмотрим семиотические аспекты дискурс-анализа города, о которых говорится в статье А.В. Олянича «Тюркоязычный город как гастрономический «текст» и «дискурс»²¹⁴.

В статье раскрываются семиотические аспекты дискурса травелога, связанного с посещением А.В. Оляничем Стамбула. Специальное внимание автор отводит репрезентации гастрономической семиотики этого типичного тюркоязычного города: «...мы опишем тюркоязычный город как многоголосное средоточие некоторых дискурсивно-презентационных практик, связанных с национально значимыми пиццей и питьем». Раскрытие семиотических аспектов гастрономических коммуникативных практик, характерных для дискурса Стамбула автор производит, опираясь на категорию гостеприимства: «Тюркоязычный город демонстрирует свои специфические семиотические и коммуникативные устои: доминантой в этой сфере выступает такая социокультурная категория, как гостеприимство. Для человека Востока гость священен в принципе: он является ключевой ценностью среди тюркоязычных этносов, и это аксиома, освященная веками и самим Аллахом»²¹⁵. Данный тезис находит подтверждение в многочисленных турецких и азербайджанских пословицах и поговорках, в определенных нормах социума и межкультурного общения: «Ценностные основы гостеприимства вербализируются в целом ряде тюркоязычных паре-

²¹⁴ Олянич А. В. Тюркоязычный город как гастрономический «текст» и «дискурс» // Концепт. Научно-методический электронный журнал. 2014. Т. 20. С. 26–30. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54265.htm>.

²¹⁵ Там же.

мий: qonaq ruzisini gətirər və əhlinin qənahlarını aparar (азерб. «гость приносит свое пропитание и уносит грехи домохозяев») <...> Гостеприимство – это приобщение к Богу, просьба защиты и покровительства высших сил; получение баракат (тур. bereket «благодать») – залога изобилия; «осваивание» чужого – приобретение друга; укрепление связей с соплеменниками; утверждение социального статуса; передача жизненного опыта; формирование ценностных ориентиров; усвоение морально-этических норм социума; реализация коммуникативной потребности»²¹⁶.

Улицы Стамбула, его базары автору видятся через призму обещания глоттонического наслаждения. Они зовут к непрекращающему насыщению едой, соблазняют привлекательной рекламой, запахами вкусной пищи. Семиотика глоттонического дискурса раскрывается через интеракции общения туристов с продавцами снеди, с многочисленными зазывалами. Она проявляется также через напитки и блюда, каждый из которых является знаком гастрономической коммуникации. Семиотическая функция данного дискурса поддерживается и обогащается самими гостями города посредством трансляций на публику своих впечатлений от увиденных и посещаемых гастрономических мест и точек питания: «А после мы плывем на пароме в Азию, к пристани Кадыкёй, где переходишь через дорогу – и внедряешься в кварталы с лавочками, где громоздятся полукилограммовые пачки чая, являют себя темно-красные поленья бастурмы, свисают связки сушеных баклажанов и помидоров и мешки со специями и орехами разных родов стоят раскрытыми – и тут же: кебабы, жареная хамса и мидии в кляре (пробуем и то и другое в виде сэндвичей) – и кокорёч, жареные порубленные потроха, которые еще мельче рубят прямо на жаровне лопаткой, похожей на большой шпатель, подкладывают резаных помидоров, прижимают к горке булку и набрасывают в нее жаркий этот и острый порох»²¹⁷.

Гастрономический текст тюркоязычного города, считает Олянич, насквозь семиотичен и презентационен и одним из типов знаков, особенно значимых для его существования, являются знаки обработки, приготовления и потребления пищи, которые, были обозначены автором понятием «пре-

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ Там же.

зентема». Под презентемой понимается знаковый комплекс, состоящий из когнитивно освоенных субъектом концептов и образов окружающего мира, и переданный в процессе коммуникации другому субъекту с целью воздействия на него²¹⁸.

Олянич выстраивает типологию знаков-презентем, формирующих семиотическое «тело» гастрономической культуры тюркоязычного города:

Презентемы-локативы. К ним относятся этноспецифические номинации заведений общественного питания или локанты (тюрк. Lokanta – предприятие питания быстрого обслуживания): «Среди презентем-локативов назовем также такие тюркоязычные номинации, как balik lokantasi – рыбный ресторан; kofte lokantasi – ресторан, в котором готовят кёфте (мясные тефтели) как специалитет; kebab lokantasi, в котором готовят кебабы как специалитет; meyhane – ресторан, где к употреблению разрешен алкоголь (букв. тюркск. mey – вино, hane – дом); zayhane – чайхана; yemek odasi – точка питания, столовая; evi eagar – дом вина, рюмочная»²¹⁹.

Презентемы-глуттонимы. Представляют собой конгломерат знаков, рефлектирующий национальную гордость гастрономической среды тюркского города, которые включены в его «текст». К ним относятся названия, способы приготовления и подачи блюд, имеющие определенный культурно-национальный смысл: «Так, атистирма табаги, т.е. национальная закуска турков из баклажан, обжаренных на гриле и подаваемая с чесночным и масляным соусами, свежей фасолью, бобами, смородиной и абрикосами... состоит из продуктов, известных всему миру, однако тюркоязычный специфический смысл кроется в национальном своеобразии самой совокупности этих продуктов при приготовлении и подаче... Такой общеизвестный продукт как креветки (karides) в турецком ресторане традиционно подаются пряными (acili) и томленными в оливковом масле (sote), в национально признанном сочетании с рисом басмати (basmati) и сацумой (satsumali) –

²¹⁸ Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: Монография. М.: Гнозис, 2007. 407 с. С. 182.

²¹⁹ Олянич А.В. Тюркоязычный город как гастрономический «текст» и «дискурс» // Концепт. Научно-методический электронный журнал. 2014. Т. 20. С. 26–30. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54265.htm>.

с цитрусовым фруктом, родственником мандарина, который произрастает только в тюркоговорящих странах»²²⁰.

Далее автор останавливается на сакральных глутто-нических презентемах, связанных с особенностями «постного стола» в месяц Рамадан, говорит о ритуальных презентемах, практикующихся во время застолья и др.

Статья А.В. Олянича, таким образом, раскрывает особенности семиотического подхода к дискурсу травелога посредством выявления и демонстрации знаковых систем гастрономического дискурса тюркоязычного города. Методологический подход, продемонстрированный автором статьи, можно считать базисным для формирования семиотического взгляда на разнообразные формы презентационных дискурсов, которые можно обнаружить в репрезентациях любого травелога.

2.3. Перформативный аспект дискурса травелога

Одним из методологических поворотов современного гуманитарного знания является перформативный поворот, акцентирующий внимание исследователей на перформативных актах, характеристиках коммуникативного действия, на способах репрезентации культурных практик, социальных притязаний, идентичностей, на технологиях презентации, позиционирования, имиджевого конструирования и брендинга того или иного объекта или субъекта. Все это выступает предметной областью изучения современных performance studies²²¹.

Понятие перформативности имеет собственную историю становления в гуманитарном знании: Ж. Деррида говорил о перформативной силе письма, Дж. Остин сформулировал концепцию перформативных высказываний²²², Дж. Батлер разработала перформативную теорию гендера, в которой

²²⁰ Там же.

²²¹ Доманска Эва. Перформативный поворот в современном гуманитарном знании // Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки / ответ. ред. М.А. Кукарцева. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. С. 226–235.

²²² Остин Д. Три способа пролить чернила: Философские работы / пер. с англ. В. Кирющенко; М. Колопотина. СПб.: Изд-во «Алетейя»: Изд-во С.-Петербург. Ун-та, 2006. 335 с. С. 262–281.